
ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории медицины не так много людей, чьи имена настолько на слуху, что стали нарицательными. Все знают имя Гиппократ, правда, в сочетании со словом «клятва». А вот Галену, который лечил римских гладиаторов и совершил множество открытий в области анатомии, повезло намного меньше. Несмотря на огромные заслуги перед человечеством, его имя известно только медикам и тем, кто увлекается историей. Зато в современном речевом обиходе встречаются «оговорочки по Фрейду».

Есть ли громкие имена среди русских врачей? Несомненно. Частенько, встречаясь с шокирующим поступком или явлением, мы говорим: «Ну, это уже Кащенко!», подразумевая, что нашли очередную работу для великого русского психиатра. При этом мало кто знает даже его имя-отчество*.

Существует в России и еще одна медицинская фамилия, ставшая частью обиходной лексики.

«Короче, Склифосовский!» — этой фразой принято указывать собеседнику на чрезмерную пространственность его речи. Словосочетание пришло из фильма Леонида Гайдая «Кавказская пленница». По сценарию отрицательный герой Юрия Никулина (Балбес) пытался таким образом дать понять положительному герою Александру Демьяненко (Шурику), что его лекция о ящуре, мягко говоря, не слишком интересна. Понятно, что отношение к биографии Николая Васильевича Склифосовского эта фраза имеет самое отдаленное, да и фамилия его в кинокомедии специально произнесена с ошибкой — «Склихасовский».

* *Петр Петрович Кащенко* (1859—1920) — врач-психиатр, общественный и земский деятель, автор статей по психиатрии и организации психиатрической помощи.

Впрочем, правильно великого хирурга в кинематографии тоже именовали, причем так активно, что в поисковике на запрос «Склифосовский» первыми строчками выходит вовсе не его биография, а множество упоминаний о телесериале с таким же названием. Этот кинопродукт тоже не посвящен персоне нашего героя, он повествует о буднях современных медиков, работающих в «Склифе» — НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского*.

Кажется, что хотя бы известное медицинское учреждение должно иметь прямую связь с биографией человека, в честь которого оно названо. По логике, он мог работать там, преподавать или жить. И опять нет. Николай Васильевич никогда не практиковал в этой больнице и посетил ее, возможно, только один раз, в 1897 году, во время XII Международного конгресса врачей, проведенного как раз его стараниями и организаторским талантом.

Впрочем, в то время «Склиф» и больницей, в сегодняшнем значении этого слова, назвать было трудно, хотя уникальный архитектурный ансамбль на Сухаревской площади стал символом московского здравоохранения еще в середине XIX века. А началась его история и того раньше — в июне 1798 года, когда потомок славного петровского фельдмаршала, граф Николай Петрович Шереметев решил построить «каменную гошпиталь» для своих крестьян, а заодно и для всего больного и неимущего московского люда. Дом получил название Странноприимного, став первой «скорой помощью» для всех, кто по-настоящему нуждался в ней. Постепенно заведение обростало квалифицированным персоналом и с 1850-х годов уже начало именоваться Шереметевской больницей и приобрело славу одного из лучших медицинских заведений Москвы. Здесь уже не только лечили, но и проводили серьезные исследования. Раньше других московских больниц начали использовать новые хирургические методики и научные открытия, например рентгеновские аппараты. Руководили наследием графа Шереметева ведущие медики Москвы: Яков Васильевич Кир, Павел Николаевич Кильдюшевский, Алексей Терентьевич Тарасенков, Сергей Михайлович Клейнер. Но не Склифосовский.

После революции, когда под запретом оказалась и па-

* Ныне — ГБУЗ «Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы».

мять графа-благотворителя, и слишком христианское название «Странноприимный дом», знаменитое медицинское заведение превратилось в обычную городскую больницу. Но, к счастью, звезда его научной славы не закатилась. В 1923 году Мосздравотдел принял решение организовать на Сухаревской площади Институт неотложной помощи, присвоив ему имя Николая Васильевича Склифосовского.

Конечно, есть смысл в названии такого знакового места именем фронтового хирурга, прошедшего не одну войну и оказавшего неотложную помощь множеству раненых. Да и в научной деятельности трудно было найти ему равных. Николай Васильевич первым в мире научно обосновал применение местной анестезии, он известен как создатель асептического метода в российской хирургии, врачи разных стран до сих пор применяют изобретенный им способ сращивания раздробленных костей — «замок Склифосовского» или «русский замок».

Но только ли по этим причинам Склифосовский сохранился в нашей памяти как «человек и институт»?

Почему его именем назвали именно это заведение, не имеющее к нему никакого отношения, а не Первый медицинский институт, отделившийся от Императорского Московского университета (ИМУ), где наш герой долго работал деканом, вкладывая душу в преподавание и организацию научной работы? Ведь когда Московская дума передала университету пустующие земли на Девичьем поле, именно по личной инициативе Николая Васильевича там построили целых 13 зданий, в которых разместились передовые в то время научные лаборатории и клиники.

Сегодня это Первый Московский государственный медицинский университет, он носит имя выдающегося русского физиолога Ивана Михайловича Сеченова*, но присвоено оно было в 1955 году, да и самостоятельным учебным заведением медицинский факультет Московского государственного университета (МГУ) им. М. В. Ломоносова стал лишь в 1930-м. А «Склиф» появился на семь лет раньше, сразу же после окончания Гражданской войны.

Есть версия, что большевистское правительство спешило увековечить память Склифосовского, чувствуя свою вину за трагедию, произошедшую с семьей великого медика

* *Иван Михайлович Сеченов* (1829—1905) — известный русский ученый-физиолог. Его работа «Рефлексы головного мозга» стала основополагающей для другого великого русского физиолога — Ивана Петровича Павлова (1849—1936).

4 (17) октября 1919 года*. Его самого уже давно не было в живых, а тяжелобольная, разбитая параличом вдова София Александровна жила вместе с дочерью Тамарой в поместье Склифосовских Яковцы**, расположенном неподалеку от места знаменитой Полтавской битвы.

В это время Гражданская война полыхала по всей территории России и белые все больше теснили красных. Именно серединой 1919 года датирован отчаянный призыв большевиков «Все на борьбу с Деникиным!», тогда же Юг стал местом наиболее ожесточенных сражений. Дело осложнялось тем, что противоборствующих сторон оказалось больше, чем две. Например, существовали анархисты. Они поддерживали большевиков, но не полностью.

В такой ситуации проживать в усадьбе даже и с вооруженной охраной было делом небезопасным, но дочь Склифосовского оказалась связана по рукам и ногам парализованной матерью. И никуда не уехала, тем более что существовало распоряжение Ленина не трогать семью прославленного хирурга. Возникает вопрос: почему двух безобидных женщин вообще должны были коснуться политические репрессии? Дело в том, что Николай Васильевич был «царским генералом», бесспорным объектом классовой борьбы для пролетариата. Именно портрет в генеральском мундире стал причиной смерти его близких. Крики: «Генеральская дочка? В расход!» — по свидетельствам слуг, это последнее, что услышала в своей жизни Тамара. Когда об этом пишут в связи с жестокостью большевиков — обычно не забывают сообщить, что перед повешением дочь гениального ученого еще и изнасиловали. Подчеркивается и особый цинизм, с которым убийцы «воспользовались» именем знаменитого хирурга для вывески своего института. Но при всех действительно неоднозначных действиях большевики не виноваты в этой ужасной истории. В Яковцах зверствовали не они, и даже не махновцы, а головорезы из бандформирования анархиста Бибикова, которые спешили на помощь анархисту Махно, воевавшему с Деникиным. Но повод для обвинений остался, тем более что и могиле Склифосовского странным образом не повезло. Многие десятилетия она находилась в запустении, и жители Полтавы, говоря друг другу «короче, Склихасовский», даже не подозревали, что великий врач похоронен в их го-

* Парализованную вдову хирурга Софию Александровну зарубили лопатами, а дочь Тамару повесили во дворе дома.

** Ныне Яковцы — в черте города Полтавы.

роде. Гранитную плиту с надписью «Светя другим, сгораю сам» на место его погребения положили только в 1970-х, во время Полтавского всесоюзного симпозиума хирургов. Тогда же посадили красивые ели, которые прожили недолго, украсив новогодний интерьер кого-то из местных любителей праздников. А симпозиум закончился и могилой по-прежнему никто не занимался, она зарастала травой, по ней гуляли свиньи из Украинского НИИ свиноводства, общежитие которого разместилось в бывшей усадьбе Склифосовских.

Существует трогательная, похожая на сказку история о том, как могилу Склифосовского «открыли» в очередной раз. Студентка Полтавского медицинского лицея Наталия Синицына решила написать реферат о жизни знаменитого хирурга. К этому моменту ей еще не исполнилось восемнадцати лет. У нее, как у несовершеннолетней, возникли проблемы с допуском в архив, поэтому на помощь пришлось позвать ее маму, зубного врача. Получившийся реферат не только впечатлил местных краеведов, но и привлек внимание властей к заброшенной могиле знаменитости.

Конечно, стараний самоотверженной студентки вряд ли хватило бы без участия в этой истории человека, известного в Украине и за рубежом, автора свыше 800 научных трудов, кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры Украины Веры Никаноровны Жук (1928—2008), которая в свое время изучала биографию нашего героя и писала научные работы о нем. Именно она великодушно поделилась с девушкой нужными источниками и даже подлинными письмами членов семьи Склифосовских.

Вскоре восстановленное место захоронения было открыто официально, при участии архиепископа Полтавского и Миргородского Филиппа (Осадченко). Об этом событии сообщает Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» в публикации от 8 июня 2009 года*.

Можно надеяться, что на этот раз Склифосовскому «повезет», указатель на тихой сельской дороге никуда не денется и люди, которые пойдут по нему, больше не обнаружат в запустении могилу великого хирурга. Хотя если уж говорить о везении, то тут возникает много вопросов. Ведь если задуматься, довольно странная посмертная слава у нашего героя, не очень-то она соответствует его масштабу личности и заслугам перед человечеством.

* <https://sedmitza.ru/text/712635.html>

Сомнительная известность маленького кусочка земли в провинциальной глуши, где покоятся его бранные останки, два памятника и пара изображений на почтовых марках в данном случае не показатель благодарности потомков и «памяти народной». Еще его именем названа Полтавская областная больница. Но всего этого, даже вместе со «Склифом», все равно маловато.

Как правило, ученые более всего живы в профессиональной памяти коллег. Какое же наследие оставил Склифосовский после себя, кроме «русского замка», которым и пользуются-то из всех врачей только травматологи? Как ни странно, подавляющее большинство медиков воспринимают его примерно так же, как и обычные люди: очень поверхностно. Возможно потому, что его многочисленные научные работы (более 110), относящиеся к самым разнообразным разделам хирургии, оказались предтечами других подобных работ. Или же стали чем-то настолько само собой разумеющимся, что перестали вообще казаться достижениями. Вот и непонятно коллегам, чем конкретным прославился Склифосовский. Никаких характерных теорий или именных диагнозов, вроде болезни Альцгеймера, синдрома Дауна или отека Квинке. Все тот же «Склиф» да одноименный сериал. Лишь те служители Эскулапа, чья деятельность связана с Сеченовским университетом (известен в народе, как «Первый мед»), помнят Николая Васильевича лучше, потому что часто видят его памятник, открытый в 2018 году к 260-летию знаменитого учебного заведения. Это изваяние работы скульптора Салавата Александровича Щербакова запечатлело нашего героя взирающим на свое детище — клинический городок, ставший родным домом и кузницей профессии для многих поколений русских медиков.

«Выдающийся хирург, основатель
клинического городка на Девичьем поле», —
гласит надпись на постаменте.

Получается, главная заслуга Склифосовского — только в организаторском таланте? Смог вовремя проявить инициативу, задействовал полезные связи, «пробил» финансирование и всё? Может, и известность его случайная, только потому, что его именем вовремя назвали «популярный» институт. По частоте упоминания в прессе «Склиф» оставляет далеко позади прочие больницы, ведь сама его специфика — Институт скорой помощи — подразумевает соседство с катастрофами, происшествиями и другими информационными поводами.

Но вряд ли один этот факт сделал бы фамилию доктора именем нарицательным. Да и большевики, которые тщательно выстраивали свой новый, «прогрессивный» мир в противовес старому «реакционному», не стали бы прославлять случайных людей.

Создавая памятник к юбилею университета, скульптор изобразил на горельефах внизу скульптурной композиции важные эпизоды из биографии знаменитого профессора. Левая часть подножия памятника посвящена демонстрации пациента на лекции перед студенческой аудиторией. Сегодня это кажется странным, но в XIX веке медицинское образование состояло по большей части из теоретических знаний. Врач сталкивался с больными уже после получения диплома. Склифосовский воспринимал такое состояние дел как большую проблему, с которой нужно бороться. Он всячески поощрял присутствие студентов на операциях и привлекал их к лечебному процессу. С помощью подобной практики Николай Васильевич вырастил целое поколение прекрасных специалистов. Среди них Иван Константинович Спижарный, Александр Семенович Таубер, Иван Иванович Насилов, Василий Иванович Кузьмин, Иона Дмитриевич Сарычев, И. М. Чупров, Василий Иванович Добротворский и многие другие. Один из его учеников приобрел мировую известность, правда, в литературе, а не в медицине. Его звали Антон Павлович Чехов.

На правом горельефе воплощена деятельность нашего героя в качестве военного врача. Это важнейшая часть его жизни. Он прошел несколько войн, оперируя сутками напролет. Согласно отчетам, через его руки прошло в общей сложности около десяти тысяч раненых. И это не только спасенные жизни, но и колоссальный опыт, который он смог обобщить, чтобы потом построить на нем систему, работающую по сей день.

«Построить систему». Речь здесь не идет о создании научных теорий, точнее, не только о теоретической работе, но и о практике, которая порой превращалась в противостояние с коллегами — ведь они уже привыкли действовать определенным образом и чувствовали уверенность в своей правоте. Чтобы воплотить в жизнь свое видение системы здравоохранения, Склифосовскому приходилось переубеждать их, зачастую в жесткой форме, встречая непонимание и насмешки.

Лояльнее всего современники восприняли его идею приобщать студентов к практике в процессе обучения.

Скорее всего потому, что этот факт очень радовал самих студентов, а с их мнением профессорскому составу приходилось считаться. Гораздо больше непонимания со стороны коллег вызвало введение асептического метода.

Невозможно даже примерно сосчитать количество жизней, которые Склифосовский спас, доказав необходимость обеззараживания при операциях. Нашему поколению, привыкшему к одноразовым шприцам, трудно представить, что когда-то в порядке вещей было использовать бинты для раненых по нескольку раз. А знаменитая корпия*, которую щипали аристократические барышни? В фильме «Гусарская баллада» есть характерная фраза: «Завтра в пять из тряпок корпию щипать». Да, роль стерильной ваты в XIX веке выполняла ветошь, то есть ткань, повидавшая настолько много, что она уже превращалась в труху, распадаясь на отдельные нитки, которые легко выщипывались даже слабыми девичьими пальцами. Эта, мягко говоря, далекая от стерильности продукция затем накладывалась на раны.

Николаю Васильевичу приходилось тратить много душевных сил, объясняя то, что сейчас разумеется само собой. Хотя бы то, что врач должен вымыть руки перед операцией. Удивительно, но многие вполне профессиональные и уважаемые медики того времени воспринимали подобные заявления Склифосовского как чудачество.

«Не смешно ли, что такой крупный человек, как Склифосовский, боится таких мелких творений, как бактерии, которых он даже не видит!» — говорил его коллега, хирург Ипполит Осипович Корженёвский.

Сегодня никому и в голову не придет причислить профессию врача к мужским. А ведь еще в первой половине XIX века не существовало даже медсестер. Стараниями двух героических современниц Склифосовского — английской аристократки Флоренс Найтингейл и простой русской девушки Дарьи Хворостовой** понятие «военная медицинская сестра» из сомнительного неприличного занятия превратилось в обозначение дела полезного и достойного во всех отношениях. Это произошло во время Крымской войны 1853—1856 годов, где обе героини совершали свой

* К о р п и я (нем. Kогrie, от лат. согрере — щипать) — выдернутые из старого холста нити различной длины, употребляемые для перевязки ран.

** Дарья Лаврентьевна Хворостова (до замужества Михайлова; 1836—1892) — одна из первых военных сестер милосердия. Известна как Даша Севастопольская.

подвиг во имя милосердия, правда, находясь в противоборствующих лагерях. Но даже после признания их заслуг правительством путь женщине в «большую» медицину продолжал оставаться закрытым.

Отрывок из статьи в «Медицинском вестнике» № 30 за 1861 год дает некоторое представление о том, насколько тяжело было получить профессиональное признание первым русским женщинам-врачам: «...в запасе умственных сил женщины не позволено сомневаться... но не так ясно представляется со стороны применения и выполнения обязанностей профессии, и кажется, что априорическое решение его едва ли может считаться самым справедливым решением». Еще более красноречиво о проблеме говорит следующий факт: первые русские женщины-врачи не смогли получить высшего профессионального образования на родине и были вынуждены ехать учиться в Швейцарию.

Склифосовский активно боролся с предрассудками, продолжая традиции своего учителя Николая Ивановича Пирогова*, который поддерживал медсестер. Не без его хлопот и стараний в 1872 году при Императорской медико-хирургической академии (ИМХА) открылись Особые женские курсы для образования ученых-акушеров. Николай Васильевич со свойственным ему рвением взялся там преподавать.

Сохранилось трогательное письмо к нему от бывших студенток: «...прошло 20 лет, многое изменилось, самые курсы перестали существовать, но два факта остались непоколебимыми: Ваше отношение к идее женско-врачебного образования, которого Вы были убежденным защитником, и одушевляющая нас сердечная признательность Вам за все то, что Вы сделали для проникновения этой идеи в общественное сознание. Мы не можем также забыть, что Вы настаивали на равном для нас с мужчинами-врачами образовательном цензе и поддержали нас Вашим авторитетом в самую трудную минуту...»

* *Николай Иванович Пирогов* (1810—1881) — великий врач и ученый, выдающийся педагог и общественный деятель; один из основоположников хирургической анатомии и анатома-экспериментального направления в хирургии, военно-полевой хирургии, организации и тактики медицинского обеспечения войск, принявший участие в четырех военных кампаниях. Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член и почетный доктор многих отечественных и иностранных университетов и медицинских обществ.

Вникнув во все это даже не слишком глубоко, понимаешь, что назвать Институт скорой помощи именем Склифосовского не только справедливо, но и вполне логично. Много лет подряд оказывая первую помощь на фронте и в мирной жизни, наш герой в итоге оказал ее не только конкретным людям, но и медицине в целом. Но тогда уже совсем несправедливым и обидным кажется тот факт, что о нем знают так мало.

Может быть, здесь сыграло роль банальное личное невезение? Ведь никто же не станет спорить, что есть на свете люди удачливые и невезучие.

Только разве может быть невезучий человек выдающимся врачом, тем более хирургом, который каждый день держит в руках нити человеческих жизней?

Современная психология считает, что удача — это во многом состояние нашего сознания. Если человек смотрит на жизнь не как на тяжелое испытание, а как на приключение, а трудности для него — не наказание, а вызов, то он в решении проблем будет находить удовольствие, и, скорее всего, проблемы эти в большинстве случаев решатся, и он автоматически будет считаться удачливым.

Профессор психологии Хартфордширского университета Ричард Уайзман, по первой профессии фокусник, провел научное исследование удачливости. Он набрал группу из 400 человек, каждах из которых считал себя либо удивительным везунчиком, либо крайним неудачником, и наблюдал за этими людьми в течение десяти лет. По итогам эксперимента он написал книгу «Фактор везения»* (2003), основная мысль которой заключается в следующем: хронических «удачников» и «неудачников» не существует, просто некоторые лучше других умеют замечать случайные возможности и пользоваться ими.

Если взять это утверждение за основу, то любого успешного хирурга трудно назвать неудачником, ведь повышенная наблюдательность и умение быстро делать правильные выводы из замеченных нюансов являются необходимыми качествами для этой профессии.

Вот только судьба человека обычно выходит за возможности его личностных качеств. И форму ее пишут внешние, объективные обстоятельства, от индивида никак не зависящие. На откуп личности остается лишь реакция на те или иные события. Кого-то сломят и незначительные огорче-

* «The Luck Factor».

ния, а кто-то способен не потерять присутствие духа, даже столкнувшись с трагическими событиями.

Если посмотреть на жизненный путь нашего героя в целом, сразу обращаешь внимание, что розами он устлан не был. Испытания начались с детства, когда родители отдали маленького Колю в приют. Этой поступок был продиктован не безответственностью, а безысходностью. У обедневшего дворянина Василия Павловича Склифосовского, служившего письмоводителем карантинной конторы, родились 12 детей. Прокормить такую ораву глава семьи не мог, потому и пользовался всякой доступной возможностью облегчить ситуацию.

Мы никогда не узнаем точно, как ребенок пережил жестокое родительское решение. Судя по его поступкам, оно стало для него не поводом к расстройству и обидам на близких, а дополнительным стимулом к самосовершенствованию. Выбором профессии наш герой не мучился. Перед глазами его стояли будни карантинного поста, рядом с которым жили Склифосовские, а также постоянные болезни матери и в итоге ее ранняя смерть. Скорее всего, будь ее здоровье более крепким, приюта бы для Коли не потребовалось.

Врачи имеют разные специализации. Далеко не все из них постоянно работают на границе жизни и смерти. Кто-то, например, всю жизнь лечит зубы. Склифосовский начинал свой профессиональный путь с гинекологии. Одна из его первых крупных научных работ — диссертация «О кровавой околوماتочной опухоли». Стоит отметить: в XIX веке эта область медицины являлась гораздо более рискованной, чем сейчас: достаточно вспомнить, как часто женщины умирали в родах или сразу после них. Но полностью как врач и ученый наш герой реализовался в самом экстремальном из видов врачебной деятельности: как военный хирург. Его называли «борцом со смертью». Действительно, везде, где он практиковал, смертность снижалась в разы. При этом известная поговорка «сапожник без сапог» вполне может быть применена к нему, несмотря на всю неуместность звучания. Потери близких буквально преследовали его, словно костлявая старуха мстила ему за те тысячи раненых, что он вырвал из ее когтей.

В 24 года скоропостижно скончалась его первая жена Елизавета Георгиевна, а из его семерых детей умерла своей смертью, дожив до старости, только старшая дочь Ольга Склифосовская-Яковлева (1865—1960). У пятерых сыно-

вей, дочери Тамары и второй жены, Софии Александровны Склифосовской, в девичестве фон Шильднер-Шульднер, жизнь оборвалась трагически, хотя и по разным причинам. Сын Борис умер во младенчестве, его брат Константин — в 17 лет от туберкулеза почек. Еще двое сыновей — Николай и Александр — сгинули в войнах, один погиб на Русско-японской, другой пропал без вести в Гражданскую. Об ужасной судьбе второй жены и дочери уже упоминалось. К счастью, утраты, связанные с войнами и революцией, Николай Васильевич увидеть не успел. Зато кончина еще одного сына, Владимира, стала для него настоящим ударом.

История смерти шестнадцатилетнего юноши до сих пор окутана тайной. Самая распространенная версия, встречающаяся в разных СМИ — это самоубийство. Якобы молодого и наивного Володю заманили в террористическую организацию и поручили ему убить вице-губернатора Полтавы, который был другом семьи Склифосовских. Разрываясь между жалостью к хорошо знакомому человеку и стыдом перед товарищами, чье мнение было для него очень важно, молодой человек предпочел застрелиться.

В этой версии есть довольно серьезные нестыковки, к которым мы вернемся позднее. В любом случае, смерть Володи серьезно подорвала здоровье его отца, о чем есть свидетельства современников. Благодаря железному характеру Николай Васильевич еще долгое время боролся, продолжая активно работать, но дело закончилось инсультом, и в 1902 году он был вынужден оставить практику и переехать в Яковцы, где и скончался спустя два года.

В наши дни принято исследовать уровень удовлетворенности жизнью человека. Мы уже не узнаем, как Склифосовский оценивал свой жизненный путь и задумывался ли об этом вообще. Но при изучении его биографии возникает сочувствие к великому хирургу. И не столько из-за личных трагедий, сколько из-за странной иронии судьбы, которая продолжает довлеть над ним даже после смерти. По-настоящему великий человек живет в не относящейся к нему фразе и других посторонних фактах, вместо того чтобы оставаться в памяти людей своими деяниями.

С другой стороны, он работал слишком крупно: преобразовывал в своей профессиональной области систему, складывавшуюся годами. Воспринять и оценить такую деятельность гораздо сложнее, чем какое-либо научное открытие, особенно понятное простому обывателю. Да и как

должно выглядеть «правильное» признание выдающегося врача? Роскошным надгробным памятником? Постоянным цитированием научных работ?

Есть другие, гораздо более ценные доказательства значимости личности Николая Васильевича Склифосовского. Они живут среди нас. Это потомки тех нескольких тысяч раненых, спасенных его руками, и множества других, выживших благодаря асептическому методу, который он вводил так настойчиво. Возможно, даже среди читателей этой книги есть те, кто косвенно, через своих предков обязан ему существованием на этом свете. Поэтому нам не стоит оценивать, повезло ли ему в жизни. Стоит помнить, что его жизнь была большой удачей для медицины, а значит — и для всего человечества.

Глава первая
КОРНИ И ВЕТВИ

Детство — очень важная часть жизни человека. Чаще всего именно в это время закладывается индивидуальная система вкусов и эстетических предпочтений, стиль восприятия жизни — в общем, все то, что отличает нас друг от друга. Исследования, проводимые в разное время и в рамках разных наук — антропологии, социологии, психологии, подтверждают: на формирование личности влияют различные внешние факторы, в том числе географические, этнические, религиозные и многие другие. Поэтому биографу, ставящему целью создать объемный и достоверный портрет своего героя, конечно же, необходимо иметь представление о местности, где прошло его детство.

Николай Васильевич Склифосовский родился 6 апреля (25 марта) 1836 года в Приднестровье — регионе, комфортном по климату, с плодородной почвой. Люди здесь обитали с доисторических времен, археологи оценивают возраст первых следов деятельности человека в миллион лет. Интересно, что неподалеку от родины Склифосовского, в кургане у села Глиное Слободзейского района были найдены древние (возрастом четыре тысячи лет) человеческие останки со следами хирургической операции. Это довольно редкая находка. При мистическом восприятии мира, вероятно, можно отыскать в подобном совпадении какой-то особый знак, связанный с биографией нашего героя, но наша задача не в этом.

Неизвестный пациент безымянного хирурга, вероятно, принадлежал к племени тирагетов — именно они заселяли Приднестровье в доантичное время, если верить Плинию Старшему. Позднее там появились фракийцы и скифы. Конечно же, любая крупная река имела стратегическую ценность для торговли и транспорта, поэтому в античную

эпоху Днестр не оставили без внимания греки, которые построили в его устье город Тиру.

В первые века после Рождества Христова Приднестровье захватили племена гуннов, но не удержали — слишком много народов стремилось в плодородные прибрежные районы. Весь период раннего Средневековья на этих землях жили восточные славяне (уличи и тиверцы) вперемешку с тюрками-кочевниками, половцами и печенегам. Существование таких разных этносов давалось с трудом, и территория постоянно переходила из рук в руки.

Неспокойная земля успела побыть частью и Древнерусского государства, и Галицко-Волынского княжества. С 1360-х годов ее северная часть на целых 200 лет вошла в состав Великого княжества Литовского. Примерно в это же время (с 1242 года) Южное Приднестровье вошло в состав Золотой Орды.

В XVI веке, когда на политической арене появилось польско-литовское образование под названием Речь Посполитая, северное Приднестровье стало Малопольской провинцией Короны Польской, веком позднее эти земли частично оказались в составе Ханской Украины со столицей в Дубоссарах.

История российского Приднестровья начинается с конца XVIII века, когда сначала, в 1792 году России было уступлено Османской империей Южное Приднестровье. Всего через год в Российскую империю по итогам Второго раздела Польши вошли и северные приднестровские земли.

Даже не сильно вдаваясь в подробности, можно увидеть, что регион, в котором родился наш герой, трудно назвать спокойным. Скорее, это взрывная смесь из традиций и этносов, которая пребывает в покое до первого социального или политического напряжения.

Точное место рождения Склифосовского — хутор Карантин. Такое название тоже наверняка кому-то захочется считать пророческим, вот только в данном случае это слово имеет отношение скорее к политическим реалиям того времени, чем к истории медицины.

В девяностые годы XVIII века официальная граница между Россией и Турцией пролегла по реке Днестр и, конечно, в пограничной зоне имелись посты — как таможенные, так и карантинные. Один из них, в шести километрах от Дубоссар, единственной тогда переправы, был создан в 1793 году по распоряжению наместника Екатеринославского уезда Херсонской губернии Василия Василь-

евича Каховского. Этот пост стал главным звеном днестровской карантинной линии, а двумя годами позднее (в 1795-м) открылась главная Дубоссарская пограничная таможня, единственная в то время пограничная таможня для всей Очаковской земли. Карантинная и таможенная линия по берегу Днестра охранялась казачьими пикетами.

Общая инструкция относительно карантин в России была издана в 1712 году. Губернаторы и воеводы, получив известие о поветрии за границей, должны были задерживать приезжих у застав. Срок карантина не определялся, но строгость изоляции прописывалась достаточно подробно: с областями, в которых появилось поветрие, прерывалось всякое сообщение; дома, в которых случилась болезнь, приказывалось сжечь с лошадьми и со скотом и со всякою рухлядью, выведши из них людей в особые и пустые места; всякому, кто прокрадывается через заставы, грозила виселица. С течением времени инструкции обновлялись и совершенствовались. Одна из таковых вышла в 1728 году, по случаю открывшейся в Астрахани «опасной болезни». Четверть века спустя сенатским указом от 22 февраля 1755 года предписывалось открыть при всех пограничных таможенных постоянные карантин с медицинским персоналом. Правда, часто подобные предписания оставались лишь на бумаге. Когда в 1771 году в смежных с Турцией польских провинциях появилась чума, оказалось, что указ этот так и не привели в исполнение. Неудивительно, что чума принялась свирепствовать в пограничных русских областях и дошла, как известно, до Москвы.

Зародившись на южных и западных границах, внимание властей к здоровью населения постепенно распространилось на север. В 1786 году появился устав о карантинном доме на острове Сескаре в Финском заливе Балтийского моря. Каждая область имела свою специфику и обычаи, которые не всегда руководствовались медицинскими соображениями. Поэтому в 1800 году был издан общий «Устав пограничных и торговых карантин». В нем наконец-то указали точный порядок санитарных процедур: «по принятии в карантин окуривание людей, товаров, вещей и пожитков порошками, выветривание оных посредством возобновляемого воздуха, обмывание уксусной или соленой водой и опрыскивание уксусом, либо держание над парами онаго, суть доселе известные, самые благонадежные и действительные средства для очищения от заразы в них нередко кроющейся».

В Дубоссарах прибывших из-за реки прямо с перепра-

вы направляли в карантин — выдерживать «определенный к безопасности от язвительной болезни шестидневный термин». Во время эпидемии срок пребывания в карантине увеличивался до шестнадцати дней. По истечении этого срока, а также «очистки и окурки» приезжий считался «несомнительным» и мог получить пропускной билет.

Несмотря на такие строгие меры, эпидемии холеры, тифа и чумы рядом с турецкой границей вспыхивали достаточно регулярно. Это становилось одной из причин высокой младенческой смертности в регионе: из 178 родившихся 100 умирали в возрасте до одного года.

Вообще в России XIX века смертность в среднем составляла 35 на тысячу жителей, а по величине младенческой смертности наша страна тогда стояла на одном из первых мест в мире. В отдельных губерниях процент детей, умирающих на первом году жизни, доходил до 36, а в некоторых волостях северо-восточной части страны — даже до 60. На IX Пироговском съезде русских врачей в 1904 году один из его участников говорил по этому поводу: «Согласитесь сами, что если перед вашими глазами половина рождающихся детей будет умирать, не доживши до одного года, то не найдете ли вы здесь сходства с тем Иродовым избиением младенцев, когда на смерть были обречены все дети до 2-х лет мужского пола, то есть та же половина. Это “Иродово избиение” совершается постоянно из года в год. Разница только та, что тогда часть детей выжила до 2-х лет, а у нас только до одного года».

Отчего же умирали дети? По большей части как раз от широкого распространения острозаразных болезней. Холера, сыпной и брюшной тиф, дизентерия, оспа, малярия, детские болезни — все это становилось буквально народным бедствием. И можно только предположить, насколько усугубилась бы картина без карантинных барьеров на границах страны.

С самого начала существования Дубоссарского карантинного пункта около него постоянно селились купцы и мещане, вольные матросы, отставные солдаты и заднепровские переселенцы. Из этой довольно пестрой публики и образовалось в итоге поселение Карантин.

В 1812 году Бессарабия вошла в состав Российской империи. Днестровскую карантинную линию перевели за Прут и Дунай, но еще некоторое время дубоссарская таможня по-прежнему выполняла свои функции. Официально она прекратила деятельность 28 февраля 1831 года,

а Днестровская карантинная линия — и того позже. Окончательно ее упразднили только в 1846 году, после чего родной хутор Склифосовского превратился в самое обычное маленькое южное село.

С приходом советской власти оно стало погранзаставой, в 1926 году в нем организовали совхоз «Дзержинский», а в 1930-м — колхоз «Большевик». В таком виде все просуществовало до 1968 года, когда решили объединить несколько близлежащих колхозов. Новое, более крупное село получило название «Дзержинское», так оно и называется в настоящее время. Государственная принадлежность его неоднозначна с момента Приднестровского конфликта начала 1990-х годов. Дзержинское оказалось на территории непризнанной Приднестровской Молдавской республики. Беспокойная родина нашего героя продолжает оставаться таковой...

Фамилию Николай Васильевич носил редкую и необычную. Согласно семейному преданию, она произошла от имени предка по отцовской линии, грека, которого звали Асклифос. По странному совпадению (при желании его тоже можно считать пророческим) это имя созвучно с именем древнегреческого бога врачевания Асклепия. Постепенно «Асклепиос», «Асклифос» трансформировалось в фамилию Склифос (*Sclifos*), которая просуществовала вплоть до деда нашего героя. А уже его отец, Василий Павлович, добавил к ней славянское окончание, приняв миропомазание в Русской православной церкви города Дубоссары.

Есть, правда, другие варианты происхождения фамилии Склифосовский. Исторически, большинство ее носителей относились к польской шляхте. Очень малая часть (около десяти процентов) могла принадлежать к потомкам русских княжеских или боярских родов. Собственно, обедневшим русским дворянином считался и отец Николая Васильевича. Склифосовские упоминаются в качестве деятелей из славянского новгородского боярства XVI—XVII веков, имеющих царские привилегии. Встречается эта фамилия и в указателе переписи населения времен Иоанна Грозного. У царя существовал определенный реестр знатных и приятно звучащих фамилий, которые даровались только приближенным и только в случае особых заслуг или поощрения.

Ну и, наконец, эту фамилию периодически давали священнослужителям, когда те выпускались из семинарии.

Была такая традиция — называть семинаристов по воле руководства училища, в подобных случаях фамилии чаще всего образовывались от названия местности, церковного праздника или имени святого, но могли дать и просто звучную.

Таким образом, совпадение в фамилиях вовсе не означает общего прошлого. Поэтому семейная легенда о греческих корнях нашего героя выглядит вполне убедительной.

При этом ни о каких особых греческих традициях в семье родителей Склифосовского сведений нет. Девичья фамилия его матери — Платонова — вполне русская, хотя само имя Платон происходит из греческого языка. Но это уже ни о чем не говорит: большинство крестильных имен, от которых образовывались фамилии, пришли на Русь из Византии.

Родных же языков у нашего героя, как и у большинства жителей тогдашней Малороссии, было два: русский и украинский.

О детстве Николая Склифосовского можно составить представление, в основном, по косвенным признакам. Хотя фотография как идея уже существовала во Франции с 1820-х годов, в России первый «художественный кабинет» для портретной съемки открылся лишь в июне 1840 года, и, конечно же, это произошло в столице. Но даже если бы фотоателье и существовало в городке Дубоссары, рядом с которым жили Склифосовские, семья бедного писаря вряд ли бы позволила себе такое дорогое развлечение, как фотопортрет. Не сохранилось и милых семейных вещиц, и даже самого отчего дома нашего героя. Он сгорел во время Гражданской войны.

Кстати, этот сгоревший дом — не единственный в биографии Склифосовского. В достаточно раннем возрасте Николай Васильевич пережил другой пожар, о котором рассказывает его дочь Ольга Николаевна Склифосовская-Яковлева. Она написала интересные воспоминания о своем выдающемся отце, правда, предназначались они не для публикации, а для семейного архива. В частности, адресовала она записи своим детям, оттого называла нашего героя не отцом, а дедом или чаще «вашим дедушкой».

«Теперь я вам расскажу, что случилось с дедушкой в детстве, когда ему было лет восемь-девять. Семья жила в маленьком городке Дубоссарах. Ночью вспыхнул пожар. Дом был деревянный под соломенной крышей и горел, как свечка. Мать — ваша прабабка — собирая детей, хватилась,

что младшего мальчика — вашего дедушки нет. Дело было летом и все окна были настежь. Она бросилась к окну, около которого стояла кровать мальчика, схватила его сонного и в ту минуту, как она вытаскивала его в окно, потолок комнаты рухнул. Это произвело на мальчика такое впечатление, что на всю жизнь у него остался страх пожара».

Вот так, в одно мгновение иногда решаются судьбы. Кстати, Склифосовскому все-таки сильно везло. Его не убили и даже не ранили на многочисленных войнах, хотя ему не один раз случалось попадать под пули. А однажды вместе со своей первой женой Елизаветой и новорожденным сыном он чуть не стал жертвой кораблекрушения. Их маленький пароход плыл по Дунаю. Неподалеку от баварского города Пассау, где течение особенно быстрое, произошло столкновение с более крупным судном, и пробоина оказалась столь велика, что пассажиров спасли буквально чудом.

Этот случай тоже описан в воспоминаниях Ольги, а вот родителей своего отца она не застала, и мы можем воссоздать их облик лишь частично, по обрывкам сохранившейся информации. Единственное материальное напоминание о них, что просуществовало до недавнего времени, помимо могильной плиты на русском кладбище в микрорайоне Лунга города Дубоссары, — это огромные дубы у ручья возле старой городской больницы*. Василий Павлович Склифосовский посадил их там в 1836-м, как раз в год рождения своего гениального сына. Вот только причиной для посадки деревьев стало вовсе не очередное увеличение семьи писателя, а торжественное открытие медицинского учреждения, первого в городе. Оно совпало с появлением нашего героя на свет. Еще один «пророческий» факт биографии. Кстати, именно дубоссарская больница стала местом его первой самостоятельной врачебной практики, причем совершенно случайно. После получения медицинского образования Николая Васильевича распределили в Одессу. Туда он и направлялся из Москвы, но по дороге посетил Дубоссары, а там как раз в это время заболел врач.

Этот случай запечатлен в официальном послужном списке нашего героя: «Проездом из Москвы через г. Дубоссары, по предложению начальника Херсонской губернии, по случаю болезни тамошнего врача, исполнял обязаннос-

* Старое здание больницы в Дубоссарах планировалось к сносу, судьба дубов тоже на данный момент неизвестна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru